

Оксана Елисова – выпускница саранской гимназии №20, сейчас студентка Московского педагогического государственного университета. Она под руководством учителя истории гимназии Юлии Владимировны Горшковой провела большую исследовательскую работу, записав воспоминания своей бабушки, воспоминания других людей – уроженцев татарских сел Новое Кадышево, Лобановка Ельниковского района, работала в архиве. Предлагаем вниманию читателей ее работу в сокращении. Однажды на одном из интернет сайтов я наткнулась на очень странную и пугающую фразу: «История деревни окончена». Неподалеку от моего родного татарского села Новое Кадышево Ельниковского района была деревня с необычным названием «Бриловский завод». Я задумалась, разве может закончиться история какого-то населенного пункта? Разве история вообще может когда-то закончиться? Значит, если смогла прерваться история одного населенного пункта, то вместе с ним исчезла и память о судьбах его жителей, их быте, традициях, местном фольклоре. Страшно становится, когда понимаешь, сколько человеческих жизней и судеб умещается в одной сухой фразе из трех слов.

Сельский быт

В конце сентября 1953 года моя бабушка Тенишева Алия Халимовна, 1945 г.р., в первый раз пошла на уборку конопли. Убирать ее надо было в конце сентября – начале октября, чтобы под снег не оставлять. Бабушка хорошо помнит, как они с сестрой с поля незаметно приносили в карманах домой конопляное семя. Его сушили в печке, толкли в ступке, появлялась мука, которую потом еще толкли до появления масла. Конопляную муку мешали с молоком до консистенции жидкой манной каши. В эту смесь макали небольшие лепешки из ржаной муки: блюдо это называлось «медвежья лапа», по-татарски – «аю лапамасы». Бабушка говорит, что это было очень вкусно. Примерно одно ведро конопляной муки запасали для семьи на зиму. «Года три мы с сестрой осенью ходили на уборку конопли», – вспоминает бабушка.

Бабушка вспоминает: «Весной у детей, да и у взрослых тоже, резиновых сапог не было, поэтому все продолжали ходить в валенках, к которым теперь уже были привязаны деревянные колодки. Они были похожи на маленькие скамеечки. Мы на них ходили и

стучали». С 1952 года вместо колодок уже начали использовать самодельные резиновые галоши, которые склеивали сами. Для этого брали использованные автомобильные камеры, что покупали у сельских шоферов, кроили резину по специальным выкройкам, которые подгонялись под определенный размер. Скроенные заготовки по краям обрабатывались рашпилем, чтобы в этих местах удобнее было склеивать детали галош. Резиновый клей, в бутылках с коричневой крышкой из сургуча, покупали в магазине.

Готовый товар продавался на базаре в селе Ельники. Спрос на них был всегда, так как фабричные галоши тогда еще в деревне не продавались. После продажи галош прабабушка Халима, в награду за хорошую работу, покупала дочерям отрезы штапеля, а сыновьям черный материал, который тогда называли «рубчик». Потом из этих тканей прабабушка шила дочерям юбки, а сыновьям – пиджаки и брюки. В доме была швейная машинка «Зингер», которую во время войны обменяли на два ведра ржи у эвакуированных из Ленинграда.

С 12-ти лет бабушка с сестрой и матерью каждое лето нелегально ходили пропалывать кукурузу. Бригадир Кузьма, так его называли на русский манер, хотя его настоящее имя – Хосяин, постоянно искал на поле тех женщин и детей, кто занимался прополкой.

Высохшие сорняки по ночам набивали в мешки и уносили домой. А зимой их использовали как обычное сено – этим кормили коров и овец. Настоящее сено взять было негде: в колхозе не давали покосы для личных крестьянских хозяйств. Если колхозник хотел держать корову, он вынужден был добывать сено, где только сможет. Моя мама помнит, как еще в конце 1970-х годов ее дед Усман вместе с односельчанами занимался заготовкой сена на сельском кладбище. Коровам-то все равно, какое сено зимой есть – кладбищенское или луговое.

В середине 1950-х годов мой другой прадед из соседнего села Новое Кадышево, оставшись уже в марте месяце без сена, купил его в соседнем селе Аксел. За это администрация колхоза решила отдать прадеда под суд, сочтя, что он просто украл колхозное сено в Новом Кадышеве. В дом пришли представители колхозной администрации с милицией. Спасло прадеда то, что председатель колхоза – П.И.Фроликов был сам родом из деревни Аксел, где прадед купил сено. Председатель взял сено в руки, внимательно изучил и вынес вердикт, спасший Усман бабая: «Да, верно, сено аксельское. Усман прав».

Сельская школа и ее учителя

Начальная школа в селе Лобановка была открыта 1 октября 1930 года.

С установлением советской власти вновь открытые школы размещались в домах высланных из села. У прежних хозяев произвели отчуждение имущества. Прежние хозяева подверглись процедуре отчуждения имущества, у них забирали все, что только можно забрать. Если для начальных школ использовались обычные дома из двух комнат, их в деревне называют «пятистенные», то под семилетку в селе Новое Кадышево отдали большой двухэтажный дом местного богача. В этом доме был даже лифт для подъема

еды на второй этаж.

Бабушка рассказала мне, что здание самой первой начальной школы в деревне Ликенье просуществовало до середины 1960-х годов. Дом был большой, по деревенским понятиям того времени, но состоял всего лишь из одной большой комнаты.

В первый год войны учительницей в Лобановке работала Фатыма Ямакова. Родом она была из татарского села Лопуховка соседнего Краснослободского района.

Отчеств учителей никто в татарских селах не знал – их всегда называли по имени, прибавляя к нему уважительное «апа» женщинам и «абзи» мужчинам.

В 1943 году за три месяца у Фатыма-апы погибли на фронте старший сын, муж и двенадцатилетний сын Хатыб, живший вместе с ней в Лобановке. На территории МТС на костре разогревали бочку с солидолом, она взорвалась, а отлетевшее дно попало острием в лоб Хатыба. На его же рабочей лошади мальчика повезли в райцентр Пурдошки в больницу. Всю дорогу он пел татарские песни, но, не доезжая до больницы, песня смолкла – Хатыб умер.

Фатыма-апа жила в большом доме на квартире у пожилой женщины-инвалида, получившей этот дом в самом начале 1930-х годов. Бабушка хорошо помнит, что в этом доме над столом, где учительница проверяла тетради и готовилась к урокам, висела керосиновая лампа с красивым розовым абажуром с длинными кистями – в деревне ни у кого такого не было. Дети, заходя к учительнице, домой, больше смотрели на этот абажур, чем в учебники или тетради. Во время уроков Фатыма-апа иногда отправляла ребят в соседнее село Вачеевку, чтобы они отнесли записки учительнице тамошней начальной школы – Хадиче Богдановой. Записки были написаны на арабском языке.

Деревенская баня

В 1951 году бабушкины родители построили новый дом. Бабушка об этом времени так вспоминает: «Печку поставили, а крышу не покрыли еще, поэтому первое время детей отправляли спать под печку, чтобы над их головами была хоть какая-то крыша. Позже привезли солому для крыши, покрыли ею дом, а остатками набили тюфяки. Появились у нас новые соломенные «перины». Деревянные самодельные кровати сразу стали высокие, как будто на них положили пуховую постель».

Каждые две недели, объединившись с двумя соседними домами, бабушкина семья топила баню. Для половины сельских жителей, которые не имели личной бани, имелось одно общее помывочное помещение, построенное на берегу очень мелкой летом и крайне полноводной весной речки Сухой Урей, что протекает совсем рядом с селом. Более зажиточные сельчане имели свои личные бани. Баня того времени – это сруб, крытый дранкой, внутри была кадушка, ведер на пятнадцать, под горячую воду и такая же под холодную. Баню жарко топили, раскаляя в печи всякого рода железки, – чем массивнее, тем лучше. Раскалив эти железки докрасна, кочергой вытаскивали их из печи и бросали в кадушку для горячей воды. Когда эти железки остывали, их вновь вынимали кочергой из кадушки и снова отправляли в печь. И так это повторяли до тех пор, пока вода в кадушке не становилась очень горячей.

Оксана Елисова

(Окончание в следующем номере)